Лея Скайуокер вопила в мир во всю мощь своих новоиспеченных легких. Когда ее представили матери, ее глаза уже были широко открыты и все воспринимали. В тот момент, когда Энакин увидел ее, он знал, что у нее будет особая связь с Силой. Было что-то сверхъестественное в том, как она смотрела ему в лицо, как будто она уже знала все, что нужно было знать, и собиралась узнать больше.

Если он думал, что его сердце больше не выдержит после встречи с Люком, он ошибался. Падме назвала ее Леей, выдохнув это имя со вздохом облегчения, что она сделала это, она дала жизнь обоим своим детям. Энакин услышал это имя и на какое-то время забыл, что слышал его раньше в другой жизни. В этот момент не было места для другой жизни.

Она протянула крошечный кулачок, все еще крича достаточно громко, чтобы разбудить всю улицу, и когда он протянул ей руку (к сожалению, роботизированную, потому что другая была зажата под ее маленьким телом, держащим ее), она схватила один палец и внезапно затихла. Она посмотрела на него серьезными глазами, как бы говоря: “Я знаю тебя.”

Энакин Скайуокер никогда не будет прежним.

Он думал, что умрет тысячью смертей, если это будет означать, что она будет в безопасности и счастлива. Он сослал бы себя на самую дальнюю, самую темную, самую одинокую скалу, если бы это означало, что Император никогда не сможет прикоснуться к ней, никогда не сможет даже прошептать ей на ухо ни единого слова. Он будет держать тьму подальше от нее. Подальше от Леи и от Люка.

Падме нянчила своих детей и держала их на руках, но вскоре ей захотелось спать. Она была измучена и опустошена—наполнена любовью, но лишена всего остального. Энакин не хотел оставлять ее, но Соолан настоял на том, что пришло время перенести близнецов в другую спальню, которая уже была подготовлена как детская. Пришло время дать ей отдохнуть и вернуть свое собственное тело впервые за несколько месяцев. Дроиды были заняты уборкой после родов и наблюдением за Падме, чтобы убедиться, что она остается стабильной.

Энакин неохотно позволил вывести себя и детей. Их колыбели были перенесены в соседнюю комнату, которая была отделена от главной спальни общей ванной комнатой. Только тогда он, наконец, вспомнил, что Оби-Ван был в гостиной. Ожидание.

Он почувствовал оттенок ревнивого покровительства. У джедая не будет его детей. Но в то же время он не мог подавить желание показать Оби-Вану, что они с Падме сделали вместе. Он хотел, чтобы все и никто не видел его детей. Он был уверен, что это самые захватывающие произведения искусства, которые когда-либо видела галактика, но галактика была недостаточно хороша, чтобы смотреть на них.

Он подошел к двери, ведущей в гостиную, и распахнул ее. Панели со свистом раздвинулись, и он на мгновение остановился, глядя на Оби-Вана. “Ну? - наконец спросил он.

Оби-Ван вошел в комнату, его руки были сложены и спрятаны в мантии, которую он не

переставал носить. Он последовал за Энакином к ожидающим колыбелям и посмотрел вниз на детей, которые, накормленные, обнявшиеся и приветствованные в этом мире, теперь спали.

Энакину показалось, что он почувствовал, что его старого учителя особенно тянет к Люку. Оби-Ван долго стоял, глядя на мальчика. Энакин не мог не подумать, Хорошо. Теперь я знаю. Если он придет за одним из детей, это будет Люк.

Словно почувствовав его мысли, Оби-Ван поднял глаза и встретился взглядом с Энакином. Затем, молча кивнув, он попятился.

Энакин смотрел ему вслед, пока он медленно шел по улице в бледно-розовые лучи восходящего солнца. Его хозяин отбрасывал за его спиной длинную тень. Энакин задавался вопросом, будет ли когда-нибудь исцелена пропасть между ними. Он задавался вопросом, хотел ли он этого.

http://tl.rulate.ru/book/23863/1434827